

Об авторстве стихотворения, приписывавшегося Пушкину и Фету

1

«Мнимый Пушкин» — это целая отрасль пушкиноведения. Не было в России писателя, которому приписывали бы столько чужих произведений; поэтому никакой другой русский писатель не потребовал от библиографов, текстологов, редакторов, комментаторов столько труда по определению авторства, не вызвал такой обильной литературы по атрибуции принадлежащих и атегезе непринадлежащих ему произведений.

Особенно долго обсуждался и вызвал особенно много разногласий статей и заметок вопрос об авторстве стихотворного переложения молитвы «Отче наш», на протяжении десятилетий упорно приписывавшегося Пушкину. В 1901 г. В. В. Каллаш подвел итог дискуссии в большом обзоре литературы об авторстве стихотворения¹. Но и сегодня вопрос этот не может считаться решенным.

Впервые за подписью Пушкина стихотворение было напечатано в книге «Новые стихотворения Пушкина и Шавченки» (!), изданной И. Г. Головиным в 1859 г. в Лейпциге, в качестве восьмого тома серии «Русская библиотека». Этим стихотворением книга открывалась. Вот текст его в этой публикации:

Я слышал — в келии простой
Старик молитвою чудесной
Молился — тихо предо мной:

«Отец людей, отец небесный!
Да Имя вечное Твое
Святится нашими сердцами!
Да придет царствие Твое!
Да будет воля Твоя с нами.
Как в небесах, так на земли
Насущный хлеб нам ниспошли

¹ В. В. Каллаш. О приписываемом Пушкину стихотворном переложении молитвы «Отче наш». — «Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. 5, кн. 3. СПб., 1901, стр. 184—206. Перепечатано в кн.: В. В. Каллаш. *Puschkiniana* Материалы и исследования об А. С. Пушкине Вып. 2 Киев, 1903, стр. 17—38. Дальнейшие ссылки на это издание в тексте.

Твоею щедрою рукою!—
И как прощаем мы людей,
Так нас, ничтожных пред Тобою,
Прости, Отец, своих детей!
Не ввергни нас во искушенья!
И от лукавого прельщенья
Избави нас!.. »

Перед крестом
Так он молился! Свет лампы
Мерцал чуть-чуть издалека..
А сердце чаяло отрады
От той молитвы старика!

В дальнейшем стихотворение многократно перепечатывалось в качестве пушкинского в журналах, газетах, сборниках, даже в собрании стихотворений Пушкина, вышедшем в 1887 г. под редакцией П. И. Бартенева, опытного архивиста и публикатора.

За принадлежность стихотворения Пушкину горой стали церковники и реакционеры, уверяя, что по стилю и художественным достоинствам оно несомненно пушкинское. Особенно усердствовал литературовед профессор Н. Ф. Сумцов, противопоставляя квазиученые филологические разборы стихотворения протестам Н. В. Гербея, П. А. Ефремова, С. И. Пономарева, А. С. Суворина и других авторов, утверждавших, что стихотворение написано очень неискусно и нет никаких оснований считать его пушкинским.

Действительно, атрибуция покоилась лишь на том, что стихотворение ходило в списках под именем Пушкина. Улегшаяся было полемика вновь вспыхнула в 1898 г. в связи с тем, что известный педагог и литературовед-популяризатор В. П. Острогорский обнаружил список стихотворения — неизвестной руки и без подписи — на отдельном листке, вложенном в альбом приятельницы Пушкина, А. Н. Вульф. Острогорский опубликовал стихотворение как впервые печатаемую находку. Интерес к этой «сорокалетней новости» (как выразился П. А. Ефремов) был подогрев приближавшимся и наступившим юбилеем. В «Библиографии произведений А. С. Пушкина и литературы о нем 1886—1899» П. Н. Беркова и В. М. Лаврова (М.—Л., 1949) зарегистрировано (на стр. 210—211) четырнадцать откликов на публикацию Острогорского. Среди них была заметка С. И. Пономарева, указавшего, что стихотворение было напечатано не только до 1898, но и до 1859 г.— именно в сборнике «Духовные стихотворения», изданном в качестве приложения к книге архиепископа Могилевского и Мстиславского Анатолия «Вера, Надежда и Любовь». Сборник вышел в 1853 г., а разрешен цензурой еще в 1850 г. Стихотворение напечатано здесь без подписи, без трех начальных и пяти заключительных строк и с другими разночтениями по сравнению с более поздней лейпцигской публикацией.

Своим открытием Пономарев, однако, не подвинул решения вопроса об авторстве стихотворения. Он объявил автором составителя сборника архиепископа Анатолия. Этот иерарх в самом деле сочинял духовные стихи и печатал их под псевдонимом «Авдий Востоков», в его сборнике есть ряд его стихотворений, подписанных этим псевдонимом; стихи же других поэтов подписаны их именами. Если данное стихотворение, как и некоторые другие, оставлено без подписи — это значит, вероятно, что составитель не знал, кому оно принадлежит, и, во всяком случае, не может быть свидетельством в пользу его авторства. Дополнительный же аргумент Пономарева, что он не мог сокращать и перерабатывать чужие стихи, а только свои, — наивен.

Особенностью печатной истории стихотворения явилось то, что его несколько раз заново открывали в качестве пушкинского и печатали как новинку пушкиноведения. Свой обзор В. В. Каллаш заключил следующими горькими словами: «Мы остановились так подробно на истории этого стихотворения не без задней цели. По нашему мнению, она чрезвычайно характерна для наших ученых нравов.

Характерно все — и периодическое воскресение ни на чем не основанной легенды, ее исключительная живучесть, — и самая возможность неоднократных открытий «сорокалетних новостей», и самовнушение исследователей, принявших ни с того ни с сего плохое юношеское стихотворение начинающего поэта за венец зрелого творчества Пушкина, уверивших себя в этом и пытавшихся уверить в этом и других...

Память у нас коротка...

Пройдет несколько лет, досужий журналист найдет, быть может, пожелтевший и запыленный листок все с тем же переложением и указанием на Пушкина, с радостью объявит о своей находке *igbi et ogbi*, ее напечатают и перепечатают, начнутся комментарии, возникнет целая литература — одним словом, начнется опять все та же старая история... Так было уже три раза, но на этом, вероятно, дело не остановится...»²

Предсказание Каллаша сбылось. Пушкинский юбилей 1937 года Государственное литературное издательство Украины ознаменовало выпуском фототипического переиздания той самой книжки, в которой стихотворение впервые было напечатано в качестве пушкинского³.

² В. В. Каллаш. Указ соч., стр. 37—38

³ Новые стихотворения Пушкина и Шавченки. Лейпциг, 1859. Фототипическое воспроизведение. Харьков, 1937. 44 стр. Об этой книге см.: С. А. Рейсер. Ненужное издание — «Литературное обозрение», 1937, № 13, стр. 40—41.

В. В. Каллаш не ограничился обзором блужданий вокруг вопроса об авторстве стихотворения; он предложил и свое решение вопроса. По его предположению, которое сам он счел вполне доказанным, стихотворение принадлежит А. А. Фету. Атрибуция сделана на основе следующих данных, предоставленных В. В. Каллашу биографом Фета Н. Н. Черногубовым.

В собрании Черногубова сохранился «пожелтевший от времени — по-видимому, конца 40-х или начала 50-х годов» — листок с текстом данного стихотворения и подписью: *А. Фет*. Стихотворение написано и подписано не рукой Фета, но, пишет В. В. Каллаш, «по свидетельству близких ему лиц» — это «рука мужа его сестры»⁴. «По нашему мнению, — заключает В. В. Каллаш, — подпись вполне решает вопрос, так как ни Фету, ни его шурину не было никаких оснований присваивать чужое стихотворение, в общем очень слабое»⁵. Косвенным доказательством авторства Фета Каллаш считает то, что в одной из записных книжек Фета сохранилось его рассуждение по поводу молитвы «Отче наш», а в старости Фет написал другое переложение этой молитвы («Чем доле я живу, чем больше пережил...»). При таком интересе к молитве «Отче наш» он мог ее переложить и два раза. В. В. Каллаш приводит отрывок из письма Фета 1888 г. о том, как он пришел к мысли переложить стихами «Отче наш», и прибавляет: «Есть основания думать, что эти слова относятся ко второй переделке; о первой Фет в данном случае или забыл, или не хотел упомянуть»⁶.

С атрибуцией В. В. Каллаша согласился П. А. Ефремов. Он пишет: «...Нашлось письмо А. А. Фета, который писал, что это переложение», ему «не удалось», и приложил еще новое свое «переложение», тоже не удавшееся»⁷.

Прошло более полувека. Вновь привлек внимание к истории данной атрибуции академик В. В. Виноградов. В своей книге «Проблема авторства и теория стилей» (1961) он подробно переизложил обзор В. В. Каллаша для иллюстрации того, «как тесно связаны с узкой психоидеологией среды и ее эстетическими вкусами мотивы бытовой атрибуции и как часто на поводу у них оказывались приемы научного исследования проблемы авторства»⁸.

В решение вопроса об авторстве данного стихотворения В. В. Виноградов чего-либо нового не внес. По поводу атрибуции В. В. Каллаша он заметил: «Этот вывод не обоснован никакими

⁴ В. В. Каллаш. Указ. соч., стр. 23.

⁵ Там же, стр. 23.

⁶ Там же, стр. 24—25.

⁷ П. А. Ефремов. Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб, 1903, стр. 12.

⁸ В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей М., 1961, стр. 138

сопоставлениями со стилем ранних стихотворений Фета и представляется сомнительным»⁹. Но, процитировав мнение П. А. Ефремова, поддержавшего ту же атрибуцию, В. В. Виноградов ничего ему не противопоставил и прокомментировал его так: «Но — это уже новая проблема, новая задача, требующая для своего решения тщательных изысканий и точных историко-документальных указаний»¹⁰.

Здесь имеет место явное недоразумение: В. В. Виноградов, очевидно, понял П. А. Ефремова в том смысле, что у того были новые материалы, свидетельствующие об авторстве Фета, между тем как П. А. Ефремов только неряшливо изложил одно из доказательств В. В. Каллаша.

Во всяком случае разобраться в вопросе об авторстве Фета действительно необходимо.

Письмо Фета, о котором идет речь у Каллаша и у Ефремова, — это письмо к К. Р. (вел. кн. Константину Константиновичу) от 20 апреля 1888 г. Фет пишет здесь, что «однажды переложил стихами молитву «Отче наш», но затем, согласившись с мнением Владимира Соловьева, решил никогда больше не перекладывать молитв в стихи»¹¹. Речь идет, несомненно, о стихотворении Фета «Чем доле я живу, чем больше пережил...» Слово «однажды» скорее свидетельствует о том, что Фет действительно сделал такой опыт лишь однократно, чем о том, что он забыл о первом переложении или почему-то замолчал его.

Список стихотворения, о котором упоминает Каллаш, сохранился в фонде Н. Н. Черногубова в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Он сделан неизвестной рукой. Это не почерк И. П. Борисова — мужа сестры Фета и его ближайшего друга. Почерки других зятьев Фета — А. П. Матвеева и А. Н. Шеншина — мне неизвестны. Литературой эти лица, кажется, не интересовались. Если список и восходит к бумагам Фета, это еще не значит, что стихотворение написано Фетом или что Фет приписал себе чужое произведение: он мог сохранить попавший к нему листок как курьез.

Исходя из этих соображений, в редактированном мною «Полном собрании стихотворений» Фета (1937) я напечатал данное стихотворение лишь в комментарии к стихотворению Фета «Чем доле я живу, чем больше пережил...» с указанием: «Мы не считаем авторство Фета доказанным и поэтому не печатаем стихотворения в основном тексте»¹².

В новом издании «Полного собрания стихотворений» Фета, вышедшем, также под моей редакцией, в 1959 г., я не напечатал стихотворения и в комментарии. К этому времени я, наверное, знал, что оно не принадлежит Фету.

⁹ Там же, стр. 137.

¹⁰ Там же, стр. 137—138.

¹¹ Письмо хранится в Архиве Пушкинского Дома.

¹² А. А. Фет. Полное собрание стихотворений. Л., 1937, стр. 743.

Работая над статьей «Русская поэзия 1840—1850-х годов»¹³, в журналах этого периода я нашел первую публикацию интересующего нас стихотворения. Оно напечатано в девятом номере «Москвитянина» за 1842 г., на страницах 1—2, под заглавием «Молитва», с небольшими разночтениями по сравнению с известным уже нам текстом, с подписью: «*П. Шрк.....*»

Кто скрывается за этой подписью? В словарях псевдонимов такого криптонима нет. Если так подписался человек, случайно попробовавший свои силы в стихотворстве,— мы, конечно, не узнаем его имени. Но случайных дилетантов в «Москвитяине» обычно не печатали. Если же мы переберем фамилии и инициалы тогдашних поэтов,— только один, кажется, подходит: это П. А. Ширинский-Шихматов. Правда, после аббревиатуры «Шрк» следуют пять точек, видимо, обозначающих число сокращенных букв, между тем как в фамилии «Ширинский» — не восемь, а девять букв. Но типографские неточности в подобных случаях обычны.

В истории русской литературы князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790—1853) менее известен, чем его брат Сергей. Это о последнем сказал Пушкин в «Домике в Коломне»: «Так писывал Шихматов богомольный». Платон Ширинский-Шихматов был еще более богомольным поэтом, чем его брат, окончивший жизнь монахом. По словам биографа П. Ширинского, «он смотрел на перо как на средство прославлять имя божие, распространять вдохновенное учение православной веры и умилять сердца вечными евангельскими истинами»¹⁴. За исключением нескольких казенно-патриотических од все его стихи — это переложения псалмов и молитв. Из них состоит его книга «Опыты духовных стихотворений», вышедшая в 1825 г. Не прекратил он писания стихов и в более поздние годы: в 1840 г. вышла его «Военная песнь россиян».

Не оставивший сколько-нибудь заметного следа в истории русской поэзии, П. А. Ширинский-Шихматов более известен в истории русского просвещения как его гаситель, как самый реакционный министр народного просвещения николаевской поры. Чиновник министерства народного просвещения, он в 1833 г. становится директором департамента этого министерства, в 1842 — товарищем министра, а в 1850, в самый тяжелый для литературы и культуры вообще период царствования Николая I,

¹³ В разных вариантах она напечатана в академической «Истории русской литературы» (т 7 М—Л, 1955, стр 657—694) и в качестве вступительной статьи в сборниках «Поэты 1840—1850-х годов», вышедших в Малой серии (1962) и в Большой серии (1972) «Библиотеки поэта».

¹⁴ Н. А. Елагин. Очерк жизни и трудов кн. П. А. Ширинского-Шихматова. СПб., 1855, стр. 93.

назначается министром народного просвещения. С издателями «Москвитянина», профессорами Московского университета Погодиным и Шевыревым, он находится в постоянных деловых сношениях, и помещение его стихотворения в их журнале естественно, а публикация на почетном месте — на первой странице журнала — характерна для известного сервизизма Погодина и Шевырева в отношении начальства.

Откуда могли появиться в списках стихотворения подписи Пушкина и Фета, об этом, разумеется, можно только гадать. Имя Фета, быть может, связано с тем, что Фет в 1842 г. поместил в «Москвитянине» около полусотни стихотворений, в том числе ряд стихов в соседних номерах журнала — 8-м и 10-м. Что до Пушкина, — путаница могла произойти от того, что из четырех букв криптонима три (п, ш, к) входят в фамилию Пушкина.

Поскольку документальными данными о принадлежности стихотворения П. А. Ширинскому-Шихматову я не располагаю, моя атрибуция остается на уровне догадки; но, поскольку все другие догадки решительно опровергнуты, а эта имеет, как мне представляется, значительную степень вероятности, — можно надеяться, что ею будет подведена черта под атрибуционной историей стихотворения, растянувшейся на сто пятнадцать лет.

С. Е. Шаталов

*

О характерологической значимости имен персонажей у Тургенева

Характерологически значимые имена не исчезают вместе с классицизмом; в поэтике реализма они лишь преобразовываются и входят в новую систему средств раскрытия характера.

Уже в «Записках охотника» у Тургенева появляются откровенно значимые имена, прямо указывающие на основную черту характера своего обладателя.

Помещик Зверков действительно жесток до зверства: рабовладелец довольствовался властью над телом раба и присваивал плоды его труда — Зверков претендует «вдобавок и на душу». Крепостная Акулина, будто бы облагодетельствованная вниманием госпожи, по мнению Зверкова, обязана до гроба любить господ своих и только их; а коли осмелилась полюбить кого-то

Академия наук СССР
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького

ИСКУССТВО СЛОВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 80-ЛЕТИЮ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
ДИМИТРИЯ ДИМИТРИЕВИЧА
БЛАГОГО

Издательство «Наука»
Москва 1973